

М. БЕЗРОДНЫЙ

Супруги Комаровы

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ «ПНИНА»*

В третьей главе романа имеется изображение двух соотечественников Тимофея Пнина — художника Олега Комарова и его жены Серафимы: «This Komarov, a Cossack's son, was a very short man with a crew cut and a death's-head's nostrils. He and Serafima, his large, cheerful, Moscow-born wife, who wore a Tibetan charm on a long silver chain that hung down to her ample, soft belly, would throw *Russki* parties every now and then, with *Russki hors d'oeuvre* and guitar music and more or less phony folk-songs — occasions at which shy graduate students would be taught vodka-drinking rites and other stale Russianisms; and after such feasts, upon meeting gruff Pnin, Serafima and leg (she raising her eyes to heaven, he covering his with one hand) would murmur in awed self-gratitude: “*Gospodi, skol'ko mî im dayom!* (My, what a lot we give them!)” — “them” being the benighted American people. Only another Russian could understand the reactionary and Sovietophile blend presented by the pseudo-colorful Komarovs, for whom an ideal Russia consisted of the Red Army, an anointed monarch, collective farms, anthroposophy, the Russian Church and the Hydro-Electric Dam»¹.

* Впервые: Cahiers du monde russe et soviétique. Paris, 1990. Т. 31. Fasc. 4. Р. 625—628.

¹ «Этот Комаров, сын донского казака, был коротышкой с короткой стрижкой и с ноздрями “мертвой головы”. Он и Серафима — его крупная и веселая москвичка-жена, носившая тибетский талисман на свисавшей к вместительному мягкому животу длинной серебряной цепочке, — время от времени закатывали русские вечера с русскими *hors d'oeuvres*, гитарной музыкой и более или менее поддельными народными песнями, — предоставляя застенчивым

Представляется, что под именами Олег и Серафима Комаровы автор вывел своих компатриотов — писателя Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) и его жену Серафиму Павловну, певе² Довгелло (1876—1943). Помимо очевидного подобия личных имен у мужчин² и совпадения у женщин, обращает на себя внимание полное портретное сходство набоковских героев с их прототипами. Малорослость Ремизова (особенно заметная, когда рядом с ним оказывалась его корпулентная супруга), стрижка ежиком и курносость — все это сразу бросалось в глаза и не раз было запечатлено в шаржах и мемуарах. Ср., например:

«Однажды, войдя в гостиную Мережковских, — увидел я: <... улыбалась мне довольно высокая и очень широкая, светловолосая, голубоглазая и гладколицая дама <... это была Серафима Павловна Ремизова, супруга писателя. Рядом с ней сидел ее муж, с короткими ножками, едва достающими до пола, с туловищем ребенка <... вставшие космы <... носченок был пуговка...»³;

«Помню, как сейчас: на мой робкий звонок дверь открыла сам хозяин. <... нос чайником, вздернутый <... . Волосы подстрижены под первый номер. <... Маленький...»⁴

Что же касается «Tibetan charm», то в парижской квартире Ремизовых на rue Boileau, среди диковинок, висевших в кабинете писателя и памятных всему литературному Парижу (как прежде Петербургу-Петрограду и Берлину) — всевозможных игрушек, скелетов животных, талисманов, — было и «тибетское ожерелье — подарок Периха»⁵. Набоков, кстати сказать, одно

аспирантам возможность изучать ритуалы “vodka-drinking” и иные замшелые национальные обряды и встречая после этих празднеств неприветливого Пнина, Серафима с Олегом (она возводила очи горе, а он свои прикрывал ладонью), лепетали с трепетным самоумилением: “Господи, сколько мы им даем!” — под словом “им” разумелось отсталое американское население. Только другой русский мог понять, какую реакционно-советофильскую смесь являли собой псевдокрасочные Комаровы, для которых идеальная Россия состояла из Красной Армии, помазанника Божия, колхозов, антропософии, Православной Церкви и гидроэлектростанций». Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1999. Т. 3. С. 67—68.

² Имя «Олег» из-за редукции гласного в безударном слоге и оглушения звонкого шумного согласного в конце слова сближается с именем «Алексей».

³ Белый А. Между двух революций. Л., 1934. С. 67—68.

⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 11—12.

⁵ Резникова Н. Огненная память. Berkeley, 1980. С. 22. Н. К. Перих, действительно, дарил Ремизовым разнообразные редкости, как,

время тоже живший на гие Boileau⁶, мог видеть это украшение на Серафиме Павловне или знать о его существовании от общих с Ремизовыми знакомых.

Если до сих пор сходство набоковских героев с прототипами оказывалось столь разительным, что даже подмывало закрыть глаза на отдельные «неточности» (вроде характеристик «Cossack's son» и «Moscow-born»), то дальше портрет все более напоминает карикатуру. Действительно, Ремизовы славились гостеприимством, однако псевдорусских вечеров не устраивали и «vodka-drinking rites» никого не обучали. В особо торжественных случаях у них пили шампанское и *asti spumante*, обычно же ограничивались чаем⁷.

Характеристика политических пристрастий Комаровых напоминает обвинения, не раз звучавшие по адресу Ремизова, который после войны получил советский паспорт и печатался в парижской газете «Советский патриот». («Из 1947 года, — говорил писатель, — мне памятны три крепких отзыва: “ретроМарк”, “подлец”, “советская сволочь”. Я никак не отзывался, я только подумал о легкости человеческого суда»⁸.) Интерес к антропософии и «Russian <точнее было бы «Renewal». — M. B. Church» одно время, в самом деле, испытывала Серафима Павловна. («З. Н. Гиппиус, “новая церковь”, антропософы Штейнера, — писал Ремизов, — хотели отделить меня от Серафимы Павловны».⁹) В числе же поборников православия, самодержавия и коллективизации Ремизовы не состояли. Столь густые краски понадобились автору «Пнина», вероятно, для того, чтобы Комаровы получились действительно «pseudo-colorful»,

например, кремневые предметы из своей археологической коллекции (см.: *Рерих Н. К. Письмо к А. М. Ремизову / Публ., вступ. ст. и примеч. С. С. Гречишкина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1978. С. 199*), а Тибет весьма сильно занимал писателя, что нашло отражение и в его сочинениях; так, в конце 1910-х — начале 1920-х годов Ремизов перелагает тибетские сказки и публикует их в периодике и отдельными изданиями: *Е. Заяшные сказки тибетские. Чита, 1921; Е. Тибетский сказ. Берлин, 1922*. В «сонник» Ремизова «Мартын Задека» (Париж, 1954) включен текст «Далай Лама» (С. 43); о знакомстве с тибетскими ламами упоминается в его книгах «Подстриженными глазами» (Париж, 1951. С. 82—83) и «Мышкина дудочка» (Париж, 1953. С. 68).

⁶ Ремизов вспоминает об этом в «Мышкиной дудочке» (С. 154).

⁷ Свидетельство В. П. Никитина, хорошо знавшего уклад ремизовской жизни на гие Boileau. С текстом его мемуаров нас ознакомила Н. Ю. Грекалова, их публикатор.

⁸ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 90—91.

⁹ Там же. С. 319.

а может быть, Ремизовы явились не единственной моделью. Как бы то ни было, нельзя не согласиться с Эндрю Филдом, считающим, что сравнительно простой в структурном отношении, этот роман сложен для реального комментария¹⁰.

Сразу за семейным портретом следует описание взаимоотношений Тимофея Пнина и Олега Комарова:

«Pnin and leg Komarov were usually in a subdued state of war, but meetings were inevitable, and such of their American colleagues as deemed the Komarovs “grand people” and mimicked droll Pnin were sure the painter and Pnin were excellent friends»¹¹.

Любопытно, что это несколько напоминает рисунок отношений самого Набокова и Ремизова (записано Филдом со слов Набокова):

«Some ranked Remizov alongside Bunin, but Nabokov did not: “He detested me. We were very polite to each other... The only nice thing about him was that he really lived in literature”, Nabokov would from time to time meet him in the offices of French journals. Once Nabokov was talking to Joyce at the “Nouvelle Revue Francaise”, and Joyce asked him whether he knew Remizov. “Why, yes, why do you ask?” Nabokov responded in perplexity which he reenacted for my benefit. “Joyce, you see, was under the impression that Remizov *mattered* as a writer!” Neither Nabokov nor his wife would hear a good word said about Remizov’s writing. There was very likely something more that literary taste involved, but the cause of the long-held grudge was never explained»¹².

¹⁰ Field A. The Life and Art of Vladimir Nabokov. New York, 1986. P. 293.

¹¹ «Обыкновенно Пнин и Комаров находились в состоянии приглушенной войны, но встречи были неизбежны, и те из их американских коллег, что видели в Комаровых “грандиозных людей” и передразнивали забавника Пнина, пребывали в уверенности, что художника с Пнином — водой не разольешь» (С. 68).

¹² Field A. The Life and Art of Vladimir Nabokov. New York, 1986. P. 188.
«Некоторые ставили Ремизова на одну доску с Буниным, но Набоков был иного мнения. “Он меня терпеть не мог. Мы всегда были очень любезны друг с другом. Единственное, что меня примиряло с ним, это то, что он и правда жил литературой”. Время от времени Набоков встречал его в редакциях французских журналов. Однажды Набоков разговаривал с Джойсом в редакции “Nouvelle Revue Franzaise”, и Джойс спросил, знаком ли он с Ремизовым. “Ну да, а почему вы спрашиваете?” — Набоков отвечал с недоумением, о котором он не замедлил мне рассказать. “Видите ли, Джойс считал, будто Ремизов что-то представляет из себя как писатель!” Ни Набоков, ни его жена и слышать не хотели о том, что Ремизов хорошо пишет. Очень может быть, что там дело было не только в литературных предпочтениях, но причина этой давней нелюбви так и не выяснялась».

В самом деле, что могло вызвать столь резкое и безоговорочное отталкивание? Члены «венской делегации», неоднократно третировавшейся Набоковым, непременно заподозрили бы, что за этим стоит стремление «вытеснить» само воспоминание о некогда мощном притяжении. Основания для такого подозрения, действительно, существуют: если в 1928 году, в написанной для газеты «Руль» рецензии на книгу Ремизова «Звезда надзвездная», Набоков отказывал автору в «особом воображении» и в «особом мастерстве», с увлечением отыскивая у него погрешности против вкуса и небрежности в слоге¹³, то еще в начале 1920-х годов отношение молодого литератора к знаменитому ремизовскому «письму» отнюдь не было однозначно отрицательным; более того, дебют Набокова-прозаика — рассказ «Нежить», опубликованный в том же «Руле» в 1921 году¹⁴, — отмечен явным влиянием Ремизова...

¹³ Руль. 1928. 14 ноября. Знакомством с текстом этой рецензии и с иными (менее пространными, но аналогичными по тону) печатными откликами Набокова на ремизовские сочинения мы обязаны Р. Д. Тименчику.

¹⁴ Руль. 1921. 7 января. Сообщено А. А. Долининым.